

Долгая тишина прервалась громовым рёвом Ли Чена. Он кричал, что это его вещи и как они могут быть отданы другим. Гао Мяньюфан, заикаясь, вставила слово:

— Сестрица, мы же только что договорились отдать это Чену и Яо, нельзя менять решение!

Ли Яо с надеждой смотрел на Ли Тан — ведь это были его сбережения на жену.

— Я... хочу... жить... но у семьи нет денег, — с запинкой произнесла Ли Тан, то и дело поглядывая на Ли Чена.

Ли Чена распирала от ярости, так что хотелось наброситься на неё с кулаками.

Младшая свояченица Чан окинула взглядом лавку площадью около семидесяти квадратных метров и дом над ней, вероятно, такого же размера.

— Не переживай, сестрица, твоя лавка и дом вместе — больше 140 квадратов. Продать можно тысяч за 400, проблем не будет.

Цены на недвижимость в Сянчэне сейчас дешёвы, как лук, около 3 000 с лишним за метр.

— Нельзя продавать! — лицо Гао Мяньюфан исказила злоба. — Если она продаст, на что мы будем жить всей этой ораве?

Ли Яо поддержал:

— Да, нельзя продавать! А где я тогда буду жить?

— Я глава семьи, и я говорю — продавать нельзя! — грозно зарычал Ли Чен, уставившись на Ли Тан.

Ли Тан робко смотрела на эту троицу, в глазах — сплошная незащитность, а в душе — ледяная усмешка.

— Разве ученица Ли Тан не может продать свой дом на лечение? Чем это плохо?

— Да у этой семьи не всё дома! Чужим имуществом распоряжаться не позволяют!

— Можно в суд подать! За незаконное владение имуществом! Да ещё и несовершеннолетней!

...

Дедушка Ван, всё это время стоявший позади Ли Тан, подошёл к ней и нежно погладил по

голове.

— Жить, дитя, — это великое счастье. Если эти бессердечные родственники не дадут тебе дом продать, я сам помогу тебе в суд на них подать. Ты ещё молода, вся жизнь впереди!

Сказав это, он ткнул пальцем в сторону Ли Чена и принялся кричать:

— И ты отцом называешься? Жизнь ребёнка — не жизнь, а ваши деньги — деньги? Этот дом вам не принадлежит, и вам не стыдно держаться за чужие средства на спасение жизни?

От этих слов он едва не задохнулся.

Ли Тан поклонилась собравшимся.

— Спасибо всем. Этот дом — плод труда моих отца и матери. Я, Ли Тан, не стану его присваивать. Что до денег... прошу, не вините моего отца. Когда мама болела, на её лечение ушли все 500 000, которые она принесла из родного дома. Откуда же взяться другим деньгам?

500 000!

500 000 десять лет назад стоили куда больше, чем сейчас. Соседи, кое-что знавшие о тех событиях, в изумлении подняли глаза на Ли Чена.

Мать Ли Тан вернулась домой лечиться именно из-за нехватки денег. Даже если из 500 000 истратили 200 с лишним тысяч, на дом должно было остаться ещё столько же. Как же так вышло, что даже на одну болезнь не хватило?

Говорили, это была простуда, но потом она умерла от тяжких дум.

Ли Чен вдруг осознал — дело плохо. Откуда эта девчонка знает, что её мать принесла с собой 500 000, когда выходила за него? Тогда они потратили 200 000 на дом, а потом мать узнала про ту историю...

И тогда... Он резко поднял голову:

— Сестрица, в семье всего 50 000 осталось. Всё тогда на болезнь твоей матери ушло. Эти деньги мы позже заработали.

— Братец, нельзя ей давать... — Гао Мянфан в неверии ухватила Ли Чена за руку.

Ли Чен оттолкнул её.

— Заткнись!

Всё дальнейшее развивалось так гладко, что Ли Тан начала думать, будто Ли Чен будто подменили. Она всего-то хотела устроить скандал с медзаклчением, чтобы окончательно порвать с Ли Ченом, а в итоге неожиданно получила кое-какую выгоду да ещё и 50 000 впридачу.

Но семья Ли заявила, что денег мало, и выдала сначала 30 000, пообещав остальные 20 000 после гаокао.

Уходя, она поймала на себе взгляды троих членов семьи Ли — те смотрели так, словно готовы были её сожрать.

Она хотела отдать 10 000 дедушке Вану, но тот решительно отказался. Тётушка Ван тоже не взяла, велев припрятать деньги на чёрный день.

Глядя на стоявших рядом добрых людей, она опустила голову и в душе поклялась: когда-нибудь она обязательно их отблагодарит.

Около часа дня земля будто покрылась слоем золотистого света. В воздухе, казалось, повисла маслянистая дымка, и жара не давала сдвинуться с места.

У школьных ворот, в тени, стояла Ши Чжицю с зонтиком и ланч-боксом в руках. Временами озорные солнечные лучи касались её, а кончики волос колыхал лёгкий ветерок.

Её горящий взгляд был устремлён вдаль, будто ждала возвращения старого друга.

— Ацю, зачем стоишь здесь в такую жару? Я же просила... — Ли Тан взяла зонтик из рук Ши Чжицю и неожиданно оказалась в крепких объятиях. Через тонкую ткань передавался жар.

Она что, плакала?

Эта мысль мелькнула в голове Ли Тан, и она крепче прижала к себе Ши Чжицю, тихо спросив у неё на ухо:

— Что случилось, Ацю?

В голосе звучали одна лишь нежность и забота.

Она так и не смогла понять, что могло расстроить Ши Чжицю.

И просто молча держала её в объятиях, невзирая на жару.

Спустя некоторое время Ши Чжицю отстранила Ли Тан, обнажив покрасневшие глаза. Она корила её за этот поступок. Даже если это было всего лишь простое медицинское заключение, слова на нём заставляли её сердце сжиматься от страха.

Как же она боялась, что это окажется правдой.

Она не могла вынести такой мысли, даже если накануне Ли Тан, прежде чем показать то заключение, объяснила, что подменила свои результаты с чужими, вписав своё имя в чужой бланк.

Но на том бланке стояло имя «Ли Тан».

Все сомнения, весь страх, всё потрясение меркло перед этими четырьмя иероглифами: рак мозга, терминальная стадия.

Лишь вновь и вновь убедившись, что Ли Тан действительно подменила бланки, она немного успокоилась.

— Ацю, ты беспокоишься обо мне? Не бойся, это всё неправда. Ли Тан ещё будет с тобой смотреть на моря по всему миру и пробовать разные вкусы, — Ли Тан невольно повторила мечты, о которых Ши Чжицю говорила когда-то в их беседах.

— Если будет возможность, когда глаза вылечатся, поехать смотреть на моря по всему миру.

— Если будет возможность, попробовать разные вкусы и прожить другую жизнь.

— Если будет возможность, взять с собой близкого человека.

Ли Тан тогда язвительно съехидничала:

— Близкого человека? Скорее уж любимого, верно?

Ши Чжицю вскочила, опрокинув инструменты на стойке медсестры, и умчалась прочь, словно перепуганный заяц.

Тогда она ошибочно решила, что у Ши Чжицю есть кто-то другой, не замечая её постоянного, дневного и ночного присутствия рядом.

А сейчас Ши Чжицю стояла рядом с ней, и мысли её были в смятении.

Ши Чжицю невольно покраснела. Всё, что говорила Ли Тан, было её сокровенными желаниями. В этот миг ей захотелось спросить: «А ты бывала в моём сердце? Знаешь ли всё обо мне?»

Ли Тан, море, вкусная еда.

Да, и если получится, взять с собой бабушку.

Это была её потаённая мечта, которую она никому не открывала, а Ли Тан с лёгкостью её разгадала.

«Почему Атан хочет взять Ацю посмотреть на море и есть вкусности?» — спросила Ши Чжицю на языке жестов, заметив, как уголки губ Ли Тан изогнулись в хитрой улыбке.

Лицо девушки приблизилось к её лицу. Горячее дыхание, казалось, могло испепелить её целиком. И в ушах прозвучали слова Ли Тан:

— Я хочу взять Ацю посмотреть на море и есть вкусности, и так прожить всю жизнь.

Если бы не второй шанс, Ли Тан наверняка бы, как и в прошлый раз, шла напролом, споря с небом, землёй и целым миром, и в итоге осталась бы ни с чем, без пристанища.

К счастью... нет, к счастью, у неё был ещё один шанс.

«Спасибо», — смущённо опустив голову, жестами произнесла Ши Чжицю, а сердце её трепетало от радости и волнения.

Ли Тан достала из кармана салфетку и нежно вытерла мелкие капельки пота с лица Ши Чжицю. Белая кожа, мягкий пушок... она невольно проговорила:

— И как же Ацю собирается меня отблагодарить?

Ши Чжицю замерла, склонив голову ещё ниже.

— Не опускай голову, ты как зайчик, такой милый. Если кто-нибудь тебя уведёт, что я тогда буду делать? — Ли Тан погладила её по голове и тихонько рассмеялась.

Ши Чжицю замотала головой, словно испугавшись чего-то. Лёгкий ветерок сорвал несколько листьев, и один упал на плечо Ли Тан.

Она поспешила смахнуть его, но рука её была крепко схвачена. И она услышала низкий, хрипловатый голос:

— Ацю, я тебе нравлюсь?

Сердце Ши Чжицю будто окатили ледяной водой, оставив после странное ощущение —

холодный жар. Она не могла поверить, глядя на стоявшую перед ней девушку. Глаза её наполнились радостью и страхом, а дыхание участилось.

<http://bllate.org/book/15496/1374003>